

Наталья Никольская

Убили Гангрону

Бабуся

Наталья Никольская
Убили Гангрону

«Научная книга»

Никольская Н.

Убили Гангрону / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Бабуся)

Еще одна повесть иронического сериала «Бабуся» А бабуся все удивляет всех своими незаурядными способностями. Получается это у нее просто великолепно. И весь двор знает, что живет у них в доме такая замечательная старенькая женщина, которая может то, что не под силу даже самым умным мужикам.

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	20
ГЛАВА ШЕСТАЯ	23
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Никольская

Убили «Гангрону»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дверь камеры предварительного заключения с оглушающим лязгом и скрежетом, будто нехотя, отворилась, и на пороге появился немолодой розовощекий надзиратель. Он привычным хамовато-наглым взглядом ощупал каждую фигуру настороженных угрюмых мужиков.

– Все четверо тут? – ухмыльнулся он и издевательски, – ну-ну, преступнички...

– Нас еще не судили, – подал голос небольшого росточка мужик, склонившись к столу, – так что не имеете права...

– Заткнись, падла! – рявкнул надзиратель. – Тебя не судить надо, тебе девять грамм свинца в лоб! За твои художества.

– А ты докажи мою вину, – гнул свое мужик, – тогда и называй меня преступником! Меня даже не арестовали, а только задержали...

– Молчать! Ишь, законник выискался! Скажем спасибо, что я занят сейчас другими делами, а то бы я тебе показал! – он погрозил издали кулаком и перевел взгляд на растерянного сухощавого мужчину, с грустными синими глазами, стоящего в противоположном углу. – Ты – Метелкин? Давай на выход. Тебе свидание с родственником.

– Везет же людям, – вздохнул молодой парнишка, закуривая сигарету, – два часа назад привели, а уже свиданку дают! А меня вот уже третьи сутки никто дома не хватился.

– Да кому ты нужен, педик хромоногий! – заржал надзиратель и громко захлопнул за собой дверь.

Метелкин шел впереди, надзиратель топал вперевалку следом.

– Лешка, – обернулся к нему Метелкин, – мы с тобой пятнадцать лет знакомы, но я никогда не думал, что ты такая сволочь.

– Да брось, Григорич. Это я так, дурачусь... Я ведь никогда никого не ударил.

– А людей унижать зачем?

– Да обрыдло все. И бросить службу не могу. Пацанов растить надо, сам знаешь, их у меня двое. Ну куда я еще пойду? Я же ничего не умею...

– Ну и дурак! Учиться надо было.

– Ха! Учиться! Ты вот полковник в отставке, уж куда как ученый, а сюда ко мне попал.

– И ты не веришь? Лешка! Не веришь, что я Любку не убивал?

– Верю. Не убивал ты **свою** Гангрону. Но ее, падлу, надо было еще раньше убить. Стервозная баба.

– А по мне, так пусть бы жила! Мне ее жалко...

– Все, Григорич, – зашептал почти в затылок Метелкину Лешка-надзиратель, – тебя Валька ждет. Потом поговорим.

Валентин увидел Метелкина, улыбнулся ему вымученной улыбкой:

– Привет, Витек! Мне Лешка позвонил на работу, я все бросил и к тебе. Еле доказал, что, мол, брат двоюродный. Что случилось? Неужели кого-нибудь "Жигулем" **сбил**?

– Что ты, Валентин, меня не знаешь? Да я за всю жизнь кошки не задавил... – Метелкин скривился, словно у него вдруг заболел зуб. – Беда случилась, – слезы выступили на глазах и быстрыми горошинами покатались по щекам к подбородку. – Гангрена убита...

Валентин вдруг зашмыгал носом, поправил привычным движением очки, долго молчал, потом заговорил медленно, едва подбирая от растерянности нужные слова:

– А ты здесь причем? А... когда? Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю. Только на ручке топора, которым я обычно мясо рубил нашли мои отпечатки пальцев.

– Когда это было?

– Вчера вечером.

– А как ты об этом узнал? И где тебя взяли? Ведь ты же ушел от нее **на**совсем. Или решил вернуться?

– Нет. Просто у меня остались ключи от ее квартиры. Вечером холодно было, ну я вспомнил, что свою куртку забыл, она висела на вешалке за дверью. И пошел за ней. Зашел, взял куртку, потом подумал еще: надо Гангрёну предупредить, что я куртку взял. Включил свет, глянул, а она на пороге кухни лежит. Я думал ей плохо, подошел... кровь сразу не заметил, ты же знаешь, там дорожка красная... Повернул голову... а она мертвая. Кто-то ее по черепу топором... Я, честно, испугался, рванул из квартиры. Все ходил и ходил вокруг дома. Не зная, что делать, а потом пошел к сберкассе и позвонил из автомата в ментовку. Прилетели орлы мигом. Я им все объяснил, а они с меня отпечатки пальцев давай снимать. Ну и на ручке топора нашли мои отпечатки. Я им говорю: я позавчера мясо рубил. Не верят. Кровь на топоре Любкина. Ну и закрутилось...

– Ты про те деньги, ну... про двадцать одну тысячу им сказал? Сказал, что она тебе их не вернула? – допытывался Валентин, все больше шмыгая носом.

– Сказал.

– Дурак! – разозлился Валентин на друга. – Кто же тебе поверит, что ты не убивал? Деньги-то целы?

– Денег в квартире нет.

– Ну, вот видишь... Ладно, Витек, не раскисай. Мы что-нибудь придумаем. Адвоката хорошего надо найти.

– Неплохо бы. У меня осталось двадцать восемь тысяч... Как думаешь, хватит? Можно машину продать...

– И с чем ты останешься? Квартиру ты уже продал.

– Так я же хотел дом в деревне купить.

– Черт знает **что!** Витек, все ты мечешься, все оставляешь своим бабам, а сам...

– А что сам? Не хватало мне еще силой вырывать у Любки деньги. Хорошо, хоть двадцать восемь тысяч отдала.

– Ну правильно, а двадцать одну оставила себе на мелкие расходы.

– Да ладно. Она мне уколы делала, когда мне плохо было. Заработала, так сказать, – Метелкин улыбнулся сквозь слезы. – Жаль, не успела воспользоваться... Все-таки не такая уж она и стерва была.

– Ну все, тебе пора. Да, Витек, в нашем доме живет мужик, про него говорили, что он вроде частный сыщик. Может подключить его? Пускай пошустрит. Вдруг что-то найдет?

– А что он может найти? – безнадежно махнул рукой Метелкин.

– Не скажи! Сыщики могут больше, чем менты. Я в этом уверен.

– Детективов начитался, Валька. Я не верю. Мне теперь свободы не видеть.

– Ну нет! Правда – она всегда правда. Так я схожу к нему.

– Как хочешь, – вяло махнул рукой Метелкин и, завернув руки за спину, опустив голову, медленно пошел впереди Лешки-надзирателя.

Валентин смотрел вслед уходящему другу и сердце его так защемило, что он невольно прижал к груди ладонь, чтобы унять нахлынувшую боль.

Валентин вернулся на работу, но делать практически ничего не мог. Промаялся до обеда и отпросился у мастера, сославшись на плохое самочувствие. Мастер внимательно взгляделся в лицо своего подчиненного, выискивая следы глубокого похмелья, но ничего не обнаружив, огорченно вздохнул:

– Я могу понять, если бы ты вчера надрался до чертей, но ты же трезвый! Когда это ты болел? Сколько тебя помню, такого с тобой не случалось. Да и комиссия сегодня, как на грех... – он снова вздохнул, – уборкой надо заниматься. Немцы в два часа придут. Договор будем заключать.

– Да знаю я про немцев, – поморщился Валентин. – Протри глаза, оглянись! Я весь участок еще до семи утра вылизал. Нигде ни соринки. Что я робот? Заболеть не могу?

– Ладно, ладно, не горячись. Но если завтра не придешь, чтобы больничный был, иначе... Сейчас рабочей силы навалом, тебя любой заменит.

Валентин, переодеваясь, матерился на всю раздевалку. Ему было страшно обидно выслушивать такое от мастера, которому он сам же помог устроиться к ним на завод. Несколько лет назад они вместе работали в литейном цехе, только Валентин был старшим мастером цеха, а Олег был в его подчинении мастером на участке прессформ. И частенько приходил на работу с такого глубочайшего похмелья, что до обеда не мог в себя прийти. А когда прокатились волна сокращения, то Олега сразу же и сократил. Впрочем, цех недолго продержался, его закрыли за отсутствием заказов и Валентин тоже оказался безработным. Полгода перебивался случайными заработками, а потом повезло: знакомый технолог устроил его на «Нефтемаш». Ему предлагали должность мастера, но он отказался, сославшись на усталость от беготни, да и производство незнакомое. И пошел в подсобники. А место мастера по его рекомендации получил Олег.

Вечером Валентин отыскал нужную квартиру и позвонил. Ему открыла двери старушка небольшого росточка чуть сгорбленная, с веселыми небесного цвета лукавыми глазами.

– Здравсьте, – Валентин потоптался у порога, – частный детектив здесь проживает?

– Здеся, здеся, – закивала головой старушка, – это внук мой. Игорем Анатольевичем зовут.

– Мне бы поговорить с ним.

– Это можно, – старушка радостно улыбнулась. – Проходи, мил человек, мы с тобой чайку отведаем, а тем временем и мой Горяша вернется.

– Я тогда позже зайду.

– Да заходи же! – почти приказала старушка. – Мне-то скучно одной сидеть в пустой квартире. Даже чаю не с кем попить. Молодежь – она все по делам, да по делам, а мне только с ящиком приходится общаться.

– Ну, если не с кем пообщаться – ладно, составляю вам компанию. Мне все равно с вашим внуком поговорить надо.

Старушка пригласила его на кухню, неторопливо зажгла газовую горелку, поставила на огонь чайник и села напротив гостя, подперев сухоньким кулачком остренький подбородок.

– По делу к внуку моему, али как, по-дружески?

– По делу, бабушка.

– Меня Евдокией Тимофеевной кличут, а тебя как называть, мил человек?

– Валентин Яковлевич. Я во втором подъезде живу. На шестом этаже...

– А дело-то серьезное? – полюбопытствовала Евдокия Тимофеевна, зыркнув на гостя лукавым взглядом.

– Очень.

– Он, внучек мой, за легкие дела и не берется. Резону нет.

– А Игорь Анатольевич давно **этим** занимается.

– Сыском-то? – подхватила старушка. – Да как сказать? Не шибко чтоб давно, но уже успел славу себе заработать. Он молодой еще, но дюже способный, институт закончил с красным дипломом. А такой диплом, он – как орден.

– Да. Я знаю, – машинально ответил Валентин, думая о своем.

Засвистел нетерпеливой трелью чайник, старушка быстро выставила на стол чашки, сахар, печенье.

– Люблю я чаек, – заговорила она, заваривая индийский чай в заварник от старинного сервиза. – Но могу предложить и кофейку. Как?

– Нет, спасибо. Я тоже предпочитаю чай.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Евдокия Тимофеевна. – Кофий – он сердце подрывает, а чай – силы прибавляет. Так что за дело-то у тебя, Валентин Яколич? Не секрет? Я тоже не посторонняя. Я ить работаю в агентстве. Всякие разные задания выполняю, так что в курсе всех дел.

– Вы... – Валентин поперхнулся глотком горячего чая и закашлялся. – Простите, – он достал носовой платок и вытер губы. – Вы тоже детектив?

– Што ж тут удивительного. Я еще в силе... На вид, конечно, старовата, а для такой работы как раз и пригодна. Кто на меня подумает, что я чего-то расследую? Ты вон и то чаем захлебнулся от изумления, – Евдокия Тимофеевна весело рассмеялась и тут же, сделав серьезное лицо, надела на гостя. – Ну, выкладывай свою беду. К сыщикам с радостями не ходят. Одни беды несут.

– Друга моего обвиняют в убийстве.

– Да ты **что!** – всплеснула руками старушка.

– А он никого не убивал.

– Так, – задумалась Евдокия Тимофеевна. – Напраслину на человека навели. Значит, надо убийцу искать.

– За этим сюда и пришел. А Игорь Анатольевич скоро будет?

– Да уж скоро. Иринушка, жена его будущая дюже стихи любит. Вот и уговорила Горяшу, пошли они слушать какого-то поэта. Шаров Павел – слышал про такого поэта?

– Нет.

– Вот и я не слыхала. Кабы на Пушкина пошли, так их долго бы пришлось ждать.

– Пушкин давно умер, – вяло промолвил гость.

– Ну так что же? А стихи-то его остались. Вон по телевизору до сих пор день рожденья ему справляют. Значит, дюже хороший поэт. Его даже я знаю.

– Может и Павла Шарова через двести лет будут знать.

– Через двести лет меня не будет, и я этого не узнаю. А кого убили-то? – перевела старушка разговор в нужное русло.

– Женщину. Мой друг с ней жил, а потом ушел к другой. А вчера пошел за курткой, забыл взять, когда от нее уходил, ну и обнаружил ее труп. Он сам вызвал милицию, а его забрали. Нашли его следы и отпечатки пальцев.

Валентин разговорился, рассказал про Метелкина все, что мог поведать разве только ближайшему другу. А дружили они с Витьком вот уже пятьдесят первый год, так что порассказать было что.

Евдокия Тимофеевна слушала внимательно, с пониманием и сочувствием, не перебивая гостя, но и не торопя, когда он замолкал.

Когда Валентин выговорился и почувствовал душевное облечение, она положила свою сухонькую ладошку на его смуглую жесткую руку и проникновенно заверила:

– Не страдай, Валентин. Все уладится. И другу скажи: мой внучек злодея отыщет. Да он достанет его из-под земли. Он такой, если уж во что вцепится – все! Он, знаешь, такие дела распутывал, – приврала она, чтобы утешить гостя, – про какие не в каждом кинe показывают. Ты, главное, веры в правду не теряй. Нынче время-то какое: кто кого смога – тот того и за рога. А допускать такое никак не можно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вечер поэзии оказался на редкость удачным. Молодой поэт вдохновенно читал красивые сильные стихи. Читальный зал библиотеки был заполнен лишь наполовину, но автора не смущало небольшое количество слушателей. Игорю казалось, что этот большой широкоплечий парень, скорее смахивающий на грузчика, чем на поэта, делился своими сокровенными мыслями именно с ним, он говорил поэтическим языком именно о том, что волновало Игоря.

Как хорошо, что он согласился на уговоры Ирины и пошел с ней на эту встречу. Давно Игорь не чувствовал себя так свободно и замечательно. В его душу проникало что-то нежное и светлое, оттесняя в сторону все заботы и проблемы. Хотелось слушать и слушать ставшего близким и родным еще два часа назад незнакомого парня.

– Правда хорош, а? – спросила Ирина, когда они возвращались домой. – А какие образы! Какие свежие рифмы!

– Да, парень – действительно, талант. Я не очень жалую современных поэтов, но Шаров мне понравился. Спасибо, что вытащила меня из дома. А знаешь чего мне сейчас больше всего хочется?

– Скажи.

– Тебя любить. Я все больше в тебя влюбляюсь, котенок мой! – Он обнял за плечи, притянул к себе и стал нежно целовать ее глаза, губы. – Наверное, стихи на меня так повлияли.

– Ты только еще в меня влюбляешься, – рассмеялась Ирина, слегка отстранив Игоря от себя, так как заметила приближающуюся к ним парочку полуночников, – а я давно и безнадежно тебя люблю.

– Но почему безнадежно? – удивился Игорь.

– Просто ты такой **умный и** красивый... От тебя любая женщина в восторг придет, стоит ей на тебя взглянуть...

– Это еще не все, – снисходительно ответил Игорь. – Важно, что я от тебя в восторге. И все-таки, я дьявольски устал.

– Я тоже. Сейчас придем домой – и сразу спать.

Но лечь в постель сразу им не пришлось. На пороге стояла баба Дуся и взволнованно полупшепотом объясняла, что вот уже целых три часа их дожидается человек, **которому** крайне нужна помощь и с ним ну просто необходимо поговорить.

– Где он? – Игорь нахмурился недовольно, – что ему невтерпеж? Нельзя отложить разговор на завтра?

– Никак нельзя, – замотала седенькой головкой старушка, – надо искать по горячим следам. Убийство! – баба Дуся закатила трагически глаза. – Гангрону убили!

– Кого? – изумился Игорь.

– Женщину. Это прозвище у нее такое.

– Ну и прозвище, – покачал головой Игорь. – Хороша, видно, была покойница, если ей такую кликуху приклеили.

– Так ты зайдешь на кухню или в кабинет гостя пригласить? – не оставала баба Дуся.

– В кабинет, – Игорь неохотно снял плащ и шляпу. – Вот и выпались, – он улыбнулся Ирине. – Ну ты иди ложись, я постараюсь освободиться поскорее, – он прошел усталой походкой в кабинет, постоял у стола, в раздумье побарабанил по темной полированной поверхности, провел пальцем по письменному прибору, купленному недавно по случаю в антикварном магазине – ни пылинки!

Дверь кабинета открыла баба Дуся и почти силой втокнула небольшого темноволосого мужчину.

– Проходите, садитесь, – Игорь широким жестом указал на кресло для посетителей. – Я слушаю вас.

– **Моему** другу нужен детектив, – посетитель простуженно шмыгнул носом и произвольно поправил очки указательным пальцем.

– **Ваш друг влип в нехорошую историю?**

– Да, – вздохнул посетитель. – Его обвиняют в убийстве, но он не убивал.

– **Так, на торопитесь.** Сейчас мы все обговорим, –

Игорь внимательно всматривался в лицо посетителя, и оно ему показалось очень знакомым. – Адвокат у **него** уже есть? Или **ему** услуги адвоката не нужны?

– Пока нет адвоката.

– В интересах дела, если я за это дело возьмусь, было бы удобнее мне выступить в роли адвоката. Мое агентство еще не зарегистрировано официально, поэтому как адвокат вашего друга я бы имел больше возможности для расследования преступления.

– Я с вами согласен, – кивнул коротко стриженной головой посетитель, – все равно надо искать адвоката...

– Вот и хорошо, – Игорь открыл чистый блокнот. – А теперь все по порядку, но кратко изложите суть дела.

Ирина нервно теребила край пододеяльника. Ей было и приятно, что Игорь стал популярен, что к нему обращаются за помощью, но ее не покидало чувство страха за любимого, она понимала, как сложна и опасна работа сыщика. Только храбрый и умный человек, **так** думала Ирина, может взяться за такую работу". И то, что Игорь захотел быть сыщиком, наполнило ее чувством гордости за него, но все-таки лучше бы он занимался своей обычной, впрочем, доходной работой в юридической консультации. Ирина убеждала себя, что просто обязана поговорить с Игорем и постараться убедить его в разумности выбора в пользу юрконторы. Но как только Игорь вошел в спальню, по его сосредоточенному взгляду, сразу поняла, что он уже решил для себя взяться за дело и никто, а тем более она, не смогут отговорить его от принятого решения.

У них состоялся длинный, но бестолковый разговор, Ирина даже расплакалась, доказывая Игорю свою правоту, но Игорь **оставался непреклонным** и от решения своего не отступил.

– Ни о чем не беспокойся, котенок, – он обнял ее и крепко прижал к себе, – все будет хорошо, я уверен. А убийцу я найду, он от меня не уйдет.

– Рассказал бы в чем дело.

– Завтра, Иринушка, завтра. А теперь спать. Я устал, – он уронил голову на подушку и **моментально** уснул.

Ирина еще долго не могла сомкнуть глаз, но к рассвету сон одолел **и** ее.

Утром Игорь проснулся от звонка будильника бодрым, с четко разработанным планом действий. Он быстро принял душ, тщательно оделся, маленькой расческой **пригладил** аккуратную бородку, посмотрел на себя в зеркало и, усмехнувшись своему отражению, не удержался **и**, как мальчишка, лукаво подмигнул себе. Так, теперь легкий завтрак и можно заняться делом.

Он прошел на кухню, где в это время обычно баба Дуся кормила его легким, но вкусным завтраком. Но бабы Дуси на месте не оказалось и завтрака тоже. На столе лежала записка, нацарабанная таким диким почерком, словно ее писал первоклассник: «Ушла гулять. Завтрак и обед готовьте сами. Баба Дуся».

Игорь в недоумении повертел записку в руках и позвал Ирину.

– Ничего не понимаю, – заговорил он, когда Ирина появилась на пороге с полотенцем в руках, – наша бабуля совсем сбрендилась. Оставила нам послание, а сама куда-то умотала.

Ирина прочла записку, недоуменно пожала плечами.

– Конечно, мы к ней уже привыкли, да и по хозяйству она мне помогает, но... ее закидоны меня уже достали. Где нам теперь ее искать? Она же несколько раз собиралась в свою деревню ехать. Почему ты ее не отпустил? – Ирина сделала скорбное лицо. – А вдруг она заблудится? Потеряется? Или попадет под машину? Отвечать придется нам...

– Котенок, – Игорь взял Ирину за плечи и притянул к себе, – не городи ерунды. Наша бабуса – человек самостоятельный и далеко не глупый. И не раззява. Ничего с ней не случится. Нагуляется и вернется. И вообще, она очень забавная старуха. Я ее уже полюбил. Она мне не мешает. Надеюсь, что и тебе тоже. Ты лучше завтрак мне сооруди, а я пока позвоню шефу домой. Надо сообщить ему, что я хочу взять дня три-четыре за счет отпуска.

– Значит, все же ты решился взяться за дело? – Ирина нахмурилась. Дело твое, только я боюсь... у тебя опыта сыска еще никакого.

– Его и не будет, если я буду протирать штаны в конторе, – отрезал Игорь. – И хватит об этом.

Ирина проглотила обиду и принялась готовить завтрак, демонстративно громяхая кастрюльками.

Игорь улыбнулся и ушел в кабинет звонить шефу. Договорившись с начальником о свободных днях, он быстро набросал в блокноте план действий: во-первых, нужно посетить задержанного подозреваемого Метелкина. Ему, как адвокату, будет легко это сделать; во-вторых, необходимо побывать на месте преступления; в-третьих, ознакомиться с уголовным делом, которое успел завести на подозреваемого Малышев. **Однако резвый** этот друг Малышев. Быстренько прицепил улики к подозреваемому и считает, что раскрыл убийство. Чем проще выглядит убийство, тем порой сложнее его распутать. Почему он не берет в расчет слова Метелкина? Метелкин причастность к убийству отрицает. А если он, действительно, не убивал? Милицию он сам вызвал. С места преступления не удрал. О чем этот говорит? О том, что не считает себя виновным? Или просто тактический ход? С этим нужно разобраться.

Закончив составлять план, Игорь уложил в дипломат блокноты, авторучки, красивую инкрустированную табакерку и любимую курительную трубку. Подумал, все ли взял? Да, еще надо взять диктофон и приобретенные недавно наручники. Вдруг да пригодятся. И пару пачек сигарет не помешает, наверняка, Метелкин человек курящий.

– Ирина, завтрак готов? – Игорь появился на пороге, с легкой улыбкой наблюдая, как его будущая жена режет батон на тоненькие ломтики. Ловко у нее получается, аккуратно, без крошек.

Он быстро съел завтрак, промокнул губы салфеткой и поцеловал Ирину в щеку:

– Спасибо, котенок, все было очень вкусно. До скорого, – **он** быстро надел плащ и шляпу, щелкнул замком и лихо сбежал по лестнице. Настроение у него было приподнятое. Наконец-то, он займется любимым делом.

Уже сидя за рулем «Жигуленка», **Игорь** решил, что сначала надо встретиться с Малышевым и почитать показания, чтобы войти в курс дела, а потом разговаривать с Метелкиным. Да, так, пожалуй, будет вернее.

Малышева он нашел в кабинете прокурора. Игорь приоткрыл дверь кабинета, поздоровался с прокурором и спросил у школьного друга, скоро ли он освободится.

– Зачем я тебе нужен? – поинтересовался Малышев.

– Я адвокат подозреваемого Метелкина.

– Ты? – удивился друг и на сухощавом бледном лице появилась недобрая улыбка. – Зря взялся. Я уже раскрутил это убийство. Проиграешь дело. Этот хлюст почти признался, еще парочка допросов, и я его дожду. Да ты заходи, здесь все свои. Вот и Виталий, – он кивнул на прокурора, согласен подписать ордер на его арест. Вот, ознакомься с делом, – он протянул тоненькую папочку, – хочешь ты, Костиков, или нет, но тебе придется согласиться с моим

выводом: Метелкин – убийца. Тут и результаты дактилоскопии есть. Пальчики на ручке топора не чьи-нибудь, а этого самого Метелкина. Тут и фотография его подошвы. Наследил дружок.

– И это все? – Игорь внимательно прочел несколько исписанных листов.

– Нет, не все. У меня есть показания, пока только устные, некоторых соседей убитой. Как ее? А, Любовь Михайловна Ельцова. Так вот, они видели этого Метелкина, как он вошел в ее квартиру и как выходил и вытирал руки. Ну, ясно же, вытирал кровь.

– Ну и что? – Игорь вернул папку Малышеву. – Это еще ничего не доказывает. Он сам дал сведения, у тебя же записано, что он к ней прикасался, подумал, что ей стало плохо, хотел оказать помощь.

– Ага, – рассыпался Малышев недобрым смехом, – сначала рубанул по черепу, а потом решил оказать помощь. А топор? Кровь на лезвии этой самой Ельцовой! А пальчики? Куда ты их денешь?

– Он же говорит, что рубил мясо два дня назад.

– А где мясо? В морозилке лежит курица. И никакого мяса!

– Да съели мясо! – возмутился Игорь. – За два дня можно барана съесть!

– Ну, если ты такой прожорливый, – с сомнением покачал головой Малышев, – но я сам осматривал холодильник, не было там никакого мяса!

– А в кастрюли заглядывал? – подал голос прокурор.

– Виталий, ты что издеваешься?

– Нет, – голос прокурора был спокоен и деловит. – Если мясо было, как утверждает подозреваемый, то...

Игорь Виталия тоже знал, но близкими друзьями они не были, прокурор был старше Игоря, они часто встречались в научной библиотеке в курилке еще будучи студентами. Первокурснику Костикову приятно было поболтать со старшекурсниками. Виталий славился своей эрудицией, и ему преподаватели предрекали большую карьеру. И вот он уже прокурор, а Игорь всего **лишь** юрист-консульт и начинающий сыщик.

Малышев убедил-таки прокурора подписать ордер на арест Метелкина. Игорь с досадой подумал: «Спешишь, прокурор, спешишь. Дело-то еще не раскрыто». **В нем еще** больше укрепилась **уверенность** в невинности Метелкина. Но как доказать? Ничего, еще не вечер. Будут у него доказательства. Он их непременно найдет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подзащитный Костикова, Виктор Григорьевич Метелкин, смотрел на своего адвоката чистыми синими глазами и всем своим видом будто умолял защитить его от несправедливого обвинения. Он тяжело переживал свалившееся на него горе, но на все вопросы адвоката отвечал четко и коротко, не вилял и ничего на ходу не придумывал.

– Вы будто рапортуете, – усмехнулся Игорь, – наверное, всю ночь размышляли, как отвечать на вопросы.

Метелкин печально улыбнулся:

– Откуда я мог знать, какие мне будут задавать вопросы? Я человек военный. Привык. Бывали такие ситуации, что **особо** не разговоришься. Начальство лишней болтовни не любило. Так и повелось. Я своих подчиненных тоже приучил изъясняться коротко и ясно. Для меня всегда главным была исполнительность. Дан приказ – выполняй хорошо и в срок.

– Я вижу, вы до полковника дослужились, – заговорил Игорь, чтобы немного отвлечь Метелкина от трудного разговора. – А почему в академию не пошли?

– Я о карьере никогда не думал. Просто добросовестно служил. И званий тоже не выпрашивал.

– А разве звание можно выпросить? – усмехнулся Игорь.

– И выпросить, и купить – все можно. А мне это противно.

– Ну хорошо, – Игорь на мгновение задумался, – вы продали свою квартиру, а деньги-то зачем отдали Ельцовой?

– Как зачем? – удивился Метелкин. – Я в деревне хороший дом присмотрел. А деньги – они как вода. Да и друзей у меня море. Одному дай займы, другого угости соточкой. А где соточка, там и бутылка... А Любу я года четыре уже знаю... знал. Решил, что она их сохранит. Я ведь хотел даже на ней жениться и увезти ее с собой в деревню.

– Что помешало женитьбе?

– Адвокату и это важно знать?

– Мне важно **все** знать.

– С другой познакомился. Кажется, полюбил ее.

– Кажется, – покачал головой Игорь и стал раскуривать трубку.

– Я так и ответил, как чувствую. Понравилась мне женщина. Очень. А Люба такая ревнивая... была. Ну, мне надоели ее разбирательства. Чуть где задержусь, **так** она сразу: где был, с кем спал и так далее. Была бы женой – дело другое. Ну, я взял и ушел к той, к другой. Главное, позавчера ушел, а вчера вспомнил про куртку. Мне бы плевать на куртку, но это память друга. Друг мой, полковник Дикий, в Чечне погиб. Мужик был правильный. Его все в полку уважали. У меня ключи остались. Когда уходил, вернуть забыл. А это следовательно, ну небольшой такой, сухощавый, орет на меня: «Ты – убийца, лучше иди на признанку!» Я, конечно, дурак, мне **это** и друг **говорил**, но не идиот. Зачем я буду вешать на себя чужое преступление?

– А дурак почему?

– Да с бабами у меня не складывается. Три раза женился. И всегда уходил, не могу жить с женщиной, если замечу, что она мне где-нибудь наврала или в чем-то обманула. Я не прощаю лжи. Все бросаю и ухожу. Дурак, ясное дело.

– А Ельцова вам лгала? Она вас обманывала?

– Было, – Метелкин закурил и тяжело вздохнул. – Нельзя про покойников плохо говорить, но вы адвокат, вот я и выкладываю все. Так, она бабенка была неплохая. И хозяйственная и чистоплотная. Ревнивая **только**. И деньги... это ее слабость. Я ведь пенсию получаю раз в год. Пока силенка есть, на жизнь зарабатываю. В конце года обычно снимаю со сберкнижки все, что накопилось, ну и трачу по мере надобности. Матери подброшу немного, брату – как не помочь?

Дочери. И внуку, конечно, хорошие подарки. Любу я с ног до головы одел – не хваюсь, все соседи в подъезде знают. И сыну ее тоже по самой последней моде шмоток накопил. А уходить от нее стал, спросил про деньги, так она мне их кинула на пол. Я понимаю, это все со зла, она знала, что я к другой бабе ухожу. Я собрал, посчитал. Двадцать одной тысячи не хватает. Я спросил, где остальные? А она мне: «Я их оставила себе на мелкие расходы». Ну, что мне с ней, драться? Оставила, так оставила. Я еще заработаю. Вот следовательно к этим деньгам и прицепился. Говорит, что за такие деньги кто хочешь, любой, мол, убьет.

– А вы так не считаете?

– Нет. Я не любой. Я полковник в отставке. И моя честь мне дорога. Деньги для меня вообще... **Ведь** деньги в жизни – не главное. Я, конечно, люблю покутить, потаскаться за хорошенькими женщинами, есть за мной такой грех. Но если денег нет, иду в сберкасса. И все дела.

– А сын? Вы говорили, что у Ельцовой есть сын. Что вы думаете о нем?

– Нормальный парень. Учился в институте в прошлом году учебу бросил. Я его ругал за это.

– А на какие средства жила Ельцова?

– Она медсестрой работала. Полгода назад ее сократили. Я давал ей денег. Ее квартира была как раз над моей. Я ведь к ней перебрался, только когда свою хату продал. Мы вместе и прожили **всего-то** полтора месяца.

Костиков разговаривал с Метелкиным два часа с четвертью и пришел к твердому убеждению, что подзащитный говорит ему правду. "Как же Малышев не смог понять, что такой человек, как этот полковник, невиновен? Он же его два раза допрашивал! А кажется таким опытным сыщиком. Нет, Малышев, здесь ты прокололся, – думал Игорь, – это дело еще нужно копать и копать".

Вернулся Игорь домой поздно, усталый и голодный. Замотался с делами, даже забыл пообедать.

На пороге его встретила баба Дуся. Лицо ее так и сияло. – Любопытно, чем это она так обрадована? – спросил

Игорь подошедшую Ирину.

– Не знаю. Я пришла с работы, смотрю, а наша баба Дуся на кухне готовит ужин и песни распевает. Я спросила ее, где она была, а она так хитро на меня взглянула и заявила, что все, что знает, расскажет **только** Горяше и больше никому. Я у нее авторитетом не пользуюсь, – Ирина взяла из рук Игоря плащ и повесила в шкаф. – Мой руки, сейчас ужинать будем.

За столом баба Дуся почти не сидела, все суежилась, то подавала борщ, то убирала пустые тарелки, словом, обслуживала Игоря и Ирину, как вышколенный официант посетителей дорогого ресторана.

– Что это с ней? – Ирина с улыбкой посматривала то на аппетитно жующего Игоря, то на непоседливую старушку.

– Наверное, зарабатывает к себе расположение. Хочет о чем-то поговорить, видишь, еле сдерживается.

– А у нас нынче, – вдруг заговорила баба Дуся, – на третье будет мороженое. Я ить, ребятки, пенсию получила. Решила **вот** вас побаловать, – она открыла холодильник и поставила перед ними два блюда с фирменным итальянским мороженым, – выбирала, что повкуснее. А продавщица-то – девчушка-то молоденькая, стоит сиротка, замерзшая. На дворе-то осень, холодно, у нее-то и покупателей нету. Дай, думаю, порадуя девчушку, куплю у нее. У меня рука легкая, после меня всегда все раскупают. Ну, купила у нее мороженое, отошла в сторонку и понаблюдала. И знаете, ребятки, стали к ней покупатели подходить. Не то, чтобы толпа, но покупали. Я долго смотрела. А люди все покупают и покупают у нее. И так мне радостно стало за девчушку эту.

Игорь молча съел свою порцию мороженого, **нежно** поблагодарил бабу Дусю за ужин и встал из-за стола.

– Итак, мне кажется, баба Дуся, вы хотите о чем-то важном со мной поговорить. Я правильно вас понял?

– Верно, Горяша, – закивала баба Дуся, – я только посуду помою и тогда...

– Посуду помоев Ирина, – распорядился Игорь. – А нам следует кое-что вместе обсудить.

– Обсудить – это я всегда готова.

– Прошу в кабинет.

Баба Дуся, всегда такая бесцеремонная, на сей раз в кабинет входила следом за Игорем робко, даже на пороге чуть не приостановилась.

– Ну что же вы? Входите!

– Дак я, Горяша, может что и не так скажу...

– Как скажете, так и послушаю, – подбодрил старушку Игорь.

Баба Дуся уселась в кресло для посетителей, посидела немного, поерзала и встала.

– В этом кресле я прямо утопаю. И все мысли мои утопают. Лучше я тут посижу, – она быстренько села за стол и стала водить пальцем по чистому листу бумаги.

– Не тяните, баба Дуся, – Игорь стал раздражаться. – Или мы будем говорить, или я пойду спать.

– Ишь, скорый какой, – пробурчала старушка. – Я ить и напраслину на человека возводить не хочу. А только видала я сегодня сыночка той, которую убили.

– Ну и что? Вы думаете, это он убил свою мать?

– Не должен. А только компания у него такая – всякая. Там **и** надобно убийцу искать. Вот те крест! Там!

– Почему вы решили, что надо искать убийцу в компании сына?

– А я там, у ихнего дома покалякала с бабами, ну с теми, что вечно на лавочках сидят. Ну все, как одна, жалеют арестанта. Мужик, говорят, степенный.

– Как понять степенный? Он женщин менял, как перчатки.

– Так что ж такого? Значит, искал которая по сердцу придется. Менял – не убивал!

– Да, – рассмеялся Игорь, – веское доказательство!

– Да ты послушай меня, старую, – заволновалась баба Дуся. – Я же хочу сказать? Я про сына хочу сказать! Через него все вышло!

– Как через него? Сами же сказали, что он не должен убить?

– А он и не делал этой пакости. Он у подъезда со своими стриженными наголо сидел и молот всякое. Что, мол, мамкин хахаль денег им оставил на целую машину. **Там** одна бабонька с внуком там гуляла, да все хвастовство-то это и слыхала. Вот она-то мне поведала все.

– И где же мы будем искать друзей сына? Про убийство, наверное, все уже знают. Тот, кто убил, больше здесь не появится.

– Дак проследить за сыном надо. Он сам на друзей-то и выведет. А сынок-то последние месяцы и дома не жил. У какой-то девицы прижился. Нынче мода такая, видать, без венчания и свадьбы вместе жить, – она укоризненно глянула на Игоря, – вот и вы и Иришкой...

– Не будем отвлекаться от темы, – Игорь сурово нахмурился, – мою жизнь прошу не обсуждать.

– Дак я и не обсуждаю. Я про сына покойницы... – баба Дуся суетливо задвигала руками по столу, пытаясь загладить оплошность. – Этот парнишка-то, сынок покойной, он нисколько даже **не** расстроенный, шел в обнимку с девицей, он может еще и не знал тогда, что с его матерью беда случилась!

– Как так не знал?

– А так! Никто же из соседей не знает, где эта девица живет. Сказать – а где найти? По телевизору об этом не сообщалось. А он-то к матери забегал только денжат попросить, да

искупаться в ванне. Там, где он обретается, говорят, нету таких удобств, как у нас. Он как раз и приходил к матери в тот вечер, когда этот арестованный ее покидал. Ночевал, а утром **лясы** точил в компании дружков, про машину говорил, какую купит...

– Ну а мы где будем его искать? – задумался Игорь.

– Дак, как мне показали эту парочку, я и пошла потихоньку за ними. А потом и поехала следом. Далеко, ох далеко, аж на краю города девица та живет. Я и название улицы записала и номер дома, – баба Дуся полезла в карман фартука и протянула Игорю смятую бумажку и протянула Игорю смятую бумажку.

– Хорошо, завтра я туда смотаюсь.

– Мне тоже надо ехать.

– Зачем?

– А как ты узнаешь? Я-то их видела, а ты нет.

– Верно. Ладно, поедем вместе.

Игорь решил разыскать парня и поговорить с ним о его матери и его друзьях. Чего за ним следить? Если парень к убийству непричастен, то он должен быть сам заинтересован в поимке убийцы. Но его смущало одно обстоятельство: из материала дела он знал, что входная дверь была открыта ключом. Кто мог воспользоваться ключом от квартиры потерпевшей? Сын **да** сожитель Метелкин. Кто еще? А что если Ельцова сама открыла убийце дверь? Если она его впустила, то, следовательно, убийца был ей знаком. Значит, нужно искать того, кто знал Ельцову. А как это выяснить? Только через сына. Или через Метелкина?

– Правильно думаешь, – заметила баба Дуся.

– Что? – не понял Игорь и только тут сообразил, что размышляет вслух.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворники методично разгоняли мелкие, но частые капли дождя, вырисовывая на ветровом стекле «Жигуленка» чистую дугу. Баба Дуся всю дорогу, пока ехали в пригородный поселок, восхищалась:

– Ишь, умная какая машина! Сама себе стекла очищает, да как ловко! Я бы так ровненько не сумела.

На востоке поднималась заря, но хмурые тучи не давали холодным солнечным лучам пробиться к земле.

– Не очень рано мы приедем? – забеспокоилась баба Дуся, – темновато еще.

– Скоро будет семь, в самый раз захватим парочку дома, – проворчал невыспавшийся Игорь, – если только в том доме кто-нибудь из них живет.

– А как же не живет? Девушка-то, как они вошли в дом вместе, потом с ведрами ходила за водой. Там у них колонка на углу. Я сама видела, как она воду набирала, в дом **ее** понесла. А потом она еще какие-то бумажки во дворе палила. По всему видать – хозяйка.

Разыскав нужную улицу, Игорь внимательно рассматривал частные особняки, мимо которых медленно проезжал.

– Вот еще три дома проедем и будет ихняя хата, – вот-вот, здесь они и живут, – она вытянула вперед руку.

– Ничего себе хата, – усмехнулся Игорь, взглянув на трехэтажный коттедж, впрочем, еще не вполне достроенный.

Он остановил машину, открыл дверцу и шагнул на дорогу. Нога тут же погрузилась в грязную жижу по самую щиколотку.

– О, черт! – выругался сыщик, убирая ногу назад в машину. – Здесь пройти невозможно.

– А ты поближе к забору подберись. Видишь бетонные плиты? Там чистенько, – посоветовала простодушно старушка.

– Что же вы раньше молчали? – подсадовал Игорь.

– Дак не маленький мальчик, мог бы **и** сам сообразить. Дорога-то вся расхлюстана. Машины туда-сюда гоняются, кирпичи возят да песок. Вона какое строительство вокруг. А по телевизору говорят денег нет в России, Россия вся в долгах, – сокрушалась старушка. – Вот они денежки.

– Как говорил последний президент Советского Союза товарищ Горбачев, – невольно рассмеялся Игорь, – работайте, товарищи – и все у вас будет! Вот и работают товарищи!

– Да где же такие деньжищи можно заработать? – изумилась баба Дуся. – В нашем совхозе Дом культуры строили, почитай, десяток лет! Чуток побольше этой хаты будет. Так что на всех деревенских, а тута на одну семью такой домище...

– Так, баба Дуся, дискуссию продолжим позже. Ты посиди в машине, а я пойду поищу влюбленную парочку, – Игорь вылез из машины.

– Погодь, милоч! – громко окликнула его старушка. – Ты меня-то отвяжи! Я запуталась в твоих ремешках. Да и неправильно это. Я тебя сюда привезла, а ты один решил дело делать?

– Ладно, – сжалился Игорь над своей спутницей и, отстегнув ремень безопасности, подал ей руку, – только в разговор не вступать. Ясно?

Баба Дуся молча закивала головой и шустро выскочила из машины. Калитка была приоткрыта, Игорь распахнул ее, постоял всматриваясь внутрь двора.

– Собаки нету, – знаяще ответила его спутница, – а в соседнем дворе здоровущая, злая и на трех лапах.

– Как на трех? – Игорь невольно остановился. – Такого не бывает.

– Поживешь с мое – и не такое увидишь. Кто-то животине лапу отрубил. Али под машину попала. Я не спрашивала у хозяев. Я же была тут как сыщик.

Игорь только покачал головой и ничего не ответил, его раздирал смех. "Ну что за родственница ему досталась! Вот повезло! А что, – подумал он вдруг посерьезнев, – возможно и повезло. Старушка-то сообразительная, у нее не грех кое-чему и поучиться". Он увидел на косяке двери звонок и нажал кнопку. На звонок долго никто не отвечал, Игорь нажал еще. Вскоре дверь распахнулась и на пороге появилась встрепанная девушка, закутанная в теплый махровый халат, явно, с мужского плеча.

– Вам чего? – сонно спросила она хрипловатым голосом.

– Нам нужен Олег Ельцов.

– Он еще спит. Но проходите, я разбужу, – худенькое личико девушки не выражало ни удивления, ни раздражения, она просто спала.

Все трое поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж. Баба Дуся восхищенно крутила головой и приговаривала:

– Надо же! Красота-то какая! Лучше, чем в нашем Доме культуры...

Девушка вяло улыбнулась неожиданной гостье:

– Еще не все доделано. Дядя распорядился насчет работников и укатил в Италию. А работнички получили денежки и загуляли. Воду подключить не успели, веранду отштукатурили, а шпаклевку не завезли. Так все и стоит.

– Так это не ваша изба? – не утерпела выяснить баба Дуся.

– Не моя, – сонно промолвила девушка, помолчала и добавила. – Я здесь что-то вроде сторожа, – она бесцеремонно распахнула дверь в спальную комнату и неожиданно громко крикнула:

– Олечка! К тебе пришли! Просыпайся.

На широкой кровати лежал полуголый бритоголовый парень, он приподнялся на локтях и пробурчал:

– Кого там черти принесли?

– Мы к вам по делу, – осторожно заговорил Игорь. – Я адвокат Метелкина Виктора Григорьевича. Моя фамилия – Косттиков. Игорь Анатольевич.

– Понятно, что адвокат. Не понятно – зачем дяде Вите понадобился адвокат, – парень потянулся к тумбочке, взял пачку сигарет и зажигалку и, не вставая с постели, безмятежно закурил. – Что мог натворить дядя Витя?

– Он арестован... А вы не в курсе? – Игоря смущала разобранная, еще теплая кровать, он уже понял, что парень ничего не знает о смерти своей матер, не знает, что она не просто умерла, но зверски убита. Как же поделикатнее сообщать сыну об этом?

– В курсе чего? – встрепенулся Олег и, бросив недокуренную сигарету в пепельницу, вскочил на ноги. – Извините, я только штаны надену...

Баба Дуся стала **активно** вертеть головой по сторонам, ее вдруг заинтересованно настенные светильники, мягко излучающие свет, и пока Олег лихорадочно натягивал на себя джинсы, свитер и куртку, она не отрывала глаз от понравившегося ей предмета. Ей было очень жаль парня, которому предстояло узнать столь трагическую новость.

– Так за что арестован дядя Витя? – повторил свой вопрос Олег, снова закуривая. – Он мужик законопослушный, насколько я его **знаю**...

– Дело в том, что... – Игорь не мог подыскать нужных слов.

– Олечек, – вдруг заговорила мягким, проникающим в душу голосом баба Дуся, – это очень тяжело пережить, но ты мужчина, крепись. Несчастье случилось. Горе тебе большое выпало. Мама твоя умерла.

– Как умерла? – не понял Олег и нервно передернулся всем телом. – Она очень здоровая женщина... – он вдруг побледнел и сломал сигарету. – Я видел ее совсем недавно.

Тут Игорь подошел к парню вплотную, взял его за отворот куртки и легонько встряхнул:
– Ее убили, Олег. И ты должен помочь мне найти убийцу. Твой дядя Витя первый подозреваемый. Но **я в это не верю и ты должен помочь** мне доказать его невиновность.

Парень медленно сел на кровать. Игорь разжал пальцы, отцепился от куртки, сел рядом с ним. В комнате воцарилась тишина.

– Когда это случилось? – хрипло, со всхлипом заговорил Олег.

– Позавчера вечером.

– Кто? – вскричал Олег. – Кто эта гадина? Господи! – он обхватил бритую голову ладонями, закачался из стороны в сторону.

– Олег, – сурово заговорил Игорь. – У нас с тобой много дел, не время размазывать сопли. Соберись, давай поговорим. Убийство произошло не случайно. Кто-то узнал, что у вашей матери дома хранились деньги. Вот причина. Нам с тобой предстоит выяснить, кто это сделал.

Олег отнял руки от головы и сжал кулаки:

– Узнаю суку, кто убил мою мать – разорву...

– Эмоции оставим на потом, – Игорь достал из дипломата блокнот и ручку. И так, давай думать. Кто мог знать о деньгах? Дядю Витю и тебя мы исключаем. Кто еще? Думай, Олег, думай, время не ждет.

– Я тоже знала, – подала дрожащий голос девушка.

– Ты-то тут при чем? – Олег лихорадочно закуривал очередную сигарету.

– Вы ни с кем об этом не говорили? – обратился Игорь к девушке.

– А зачем? Чужие деньги меня не интересуют. У моего дядюшки их миллионы, ну и что? Я в чужие карманы не заглядываю.

– Да нет, мы с Маринкой не расставались. Все время были вместе. Да и независтливая она. В чужие карманы и правда не заглядывает, – Олег нахмурился, **по его щекам текли слезы**. – Мои дружки знают. Я хотел машинешку дешевенькую купить. Чтобы Маришку в институт возить. Ей добираться сюда долго. Мать уже согласилась. Ну я и советовался с ребятами.

– Имена, фамилии, адреса, телефоны всех друзей назовите. Проверим всех.

Олег подумал немного, стал называть имена своих друзей и каждого тут же уверенно отметал в сторону.

– Этот не мог. Не такой человек...

Игорь записал всех перечисленных.

– А еще кто мог знать об этом?

– Дядя Витя мог рассказать еще своему другу Шитикову Валентину Яковлевичу, а тот – своей жене. Ну, не знаю, не знаю больше никого. Но если узнаю, кто это сделал – убью!

– Что ты, сынок, – влезла в разговор баба Дуся, – пускай суд карает убийцу, а ты не удумай чего. Грех это...

– Баб Дуся! Прекрати, – сурово оборвал ее Игорь, и она сразу сникла, и отступила в сторонку. – И еще, – обратился он к Олегу, – убийца знал твою маму. Это ясно. Двери не были взломаны. Или мама сама ему открыла, или у него был ключ.

– Ключ? – спохватился Олег. – Ключ! Я свой ключ отдал Вовке Шмагину.

– Зачем?

– Мать собиралась уехать на три дня в деревню к тетке, тетка заболела. А Вовка познакомился со Светкой... Ну, сами **понимаете**, любовь, – Олег сконфузился. – А девчонку привести некуда. Вот я ему и дал ключ. Пускай ночуют. Что мне, жалко **что ли**?

– Значит, ключ у Шмагина до сих пор?

– Ну да! Я его с тех пор не видел. А мать, стало быть не уехала...

– Пошли, – засуетилась баба Дуся. – Надо срочно выловить этого Шмагина.

– Я с вами, – Олег вскочил с кровати. – Можно?

– Нужно, – Игорь тоже поднялся и глянул на свой грязный ботинок. – Поехали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вовку Шмагина они дома не нашли.

– Не ночевал он, – заявила им полупьяная неряшливая женщина. – Не знаю, где его черти носят, – и захлопнула перед носом Игоря двери.

– Где он может быть? – обратился Игорь к Олегу.

– Не знаю. Может, на даче.

– Где дача?

– На острове.

– На Зеленом?

– Нет, на Дубовой гриве.

– Но там же нет дач... – удивился Игорь.

– Ну, они так называют. Отец Вовки работает в спортивном лагере сторожем. Вот они всей семьей там и ошиваются все лето. И Вовка там частый гость. Мы с Маришкой тоже там отдыхали. В отдельном домике, хорошо было. А теперь там холодно. Домики не отапливаются.

– Где еще его можно найти?

– Или у Антона... или у цыгана. Это его близкие кореша.

– А где они живут?

– Не знаю. Я с ними мало общался.

– Это тупик, – пробормотал Игорь. – Нужно из него выбираться.

– Ничего не тупик, – подала голос молчавшая баба Дуся. – Олечка, вспомни, кто еще знает этих Антонов и цыганов. Кто-то же должен.

– Поехали к Димке, – вдруг решил Олег. – Тут недалеко. Димка в ресторане работает официантом.

– В каком ресторане?

– В «Тройке». Там вся братва тусуется. Вдруг он кого-то из них знает...

Димка-официант, здоровенный лохматый детина, встретил неожиданных гостей хмурым взглядом, но увидев лицо Олега, сразу распахнул двери.

– Входите. Я знаю, Олег, про твою беду. Вчера вся братва только и лялкала что об убийстве.

– Ты Вовку Шмагина видел?

– Видел. Он весь дрожал. Полные штаны наложил. Набрался вчера, как зюзя. Я его спросил, в чем дело, а он – серый весь, аж похудел, дрожит и коньяк жрет.

– На какие **это** шиши коньяк? Расплачивался?

– Нет, сказал, что после **отдаст**. Я ему все в кредит отпуская. Шеф не приветствует, но раз пацану плохо, почему не помочь.

– Он мою мать убил! – закричал Олег, а ты этого подонка коньяком поил!

– Да **ты че!** – поразился Димка. – Да чтобы Вовка!

– Я ему ключ дал, он Светку хотел трахнуть, а негде было!

– Что же они вместе со Светкой маму твою грохнули? – Димка в сомнении пожал могучими плечами. – Не сходится, пацан. Они же пришли трахаться... А что, мать разрешила?

– Я думал, что она в деревню уехала, она собиралась... И не уехала... А Светка была с Вовкой?

– Нет. Один был.

– А где его **сейчас** можно найти? – Игорь достал блокнот, приготовился записывать.

– Откуда мне знать? Может, где-нибудь прячется. Но напуган он был точно.

– А на Дубовой гриве он может быть? – не отставал Игорь от парня.

– Нет, Дубовая отпадает, зря не мотайтесь. Он **теперь** с отцом на ножах. Отец его мотоцикл пропил. Там целая война **была**. Нет, он туда не сунется. Отец не простит Вовке. Вовка горячий, засветил батяне в глаз, тому пришлось три недели в больнице проваляться. Вовка мне сам рассказывал.

– Где еще он может быть?

– Только **если у** цыгана... Но туда вам дорога закрыта. Цыган очень не любит, когда к нему суются. Зато Вовку любит, как родного брата и ни за что его никому не выдаст, даже если он и на самом деле убийца.

– Где живет этот цыган? Как его зовут?

– Роман. А живет он у самого леса на Десятой линии. Там он большой авторитет, каждый покажет его хоромы. Только это глухое дело. Если он у цыгана, Вовки вам не увидать.

– А про Светлану вы что-нибудь знаете? Кто она, где живет?

– Нет, ее я видел один раз. Смазливая девочка.

– Ладно, поедem искать цыгана. Да, а у Антона он быть не может?

– Антон укатил в Питер. Кто-то **его** пообещал устроить коком на корабль, чтобы можно было в загранку ходить. Он повар классный. У нас в «Тройке» его недооценили. Пацан обиделся и укатил искать лучшей доли. Я его понимаю.

Расследование складывалось нелучшим образом. Игорь сосредоточенно размышлял: а вдруг он стал копать не там? Ключ еще ничего не значит. Подружка Светка могла и отказаться от предложения Шмагина провести ночь в чужой квартире, и Шмагина **могло** не быть на месте преступления. Можно проверить и другую версию. Информация о наличии денег могла распространиться и от семьи друга Метелкина. Надо посетить Шитиковых, поговорить с его женой, выяснить ситуацию. Неплохо бы прощупать и самого Валентина Яковлевича. Что он за человек? Какой у него достаток? Может ли он своему лучшему другу подложить свинью?

До обеда Игорь успел смотаться на Десятую линию, посмотрел на хоромы цыгана, но никого там не нашел, кроме двух разъяренных кавказских овчарок.

– Ну что, баба Дуся, домой? Ирина обещала на обед прийти. За обедом и обсудим дальнейший план действий.

– Да, да, вы обедайте, – подхватил Олег, – а я еще пошустрю, встречусь кое с кем. Потолкаюсь среди корешей, вдруг кто чего сболтнет, – он вышел из машины и пошел на трамвайную остановку.

– Олег! – крикнул ему вслед Игорь. – Мы подвезем тебя куда надо!

– Нет! Я хочу побыть один, – парень на минуту остановился. – Нужно кое-что прикинуть, подумать. У меня есть номер вашего сотового телефона. Я с вами свяжусь, – он поглубже, до самых бровей натянул вязаную шапочку и торопливо зашагал к остановке.

* * *

За обедом баба Дуся красноречиво излагала Ирине, чем они с Игорем занимались целых полдня. Подробно описала особняк, все сравнивала его с деревенским Домом культуры и возмущалась по поводу наличия колоссальных денежных средств у отдельных граждан.

– Разве такое могло быть раньше? У людей на хлеб копейки нет, а они, бесстыдники, все позахапали себе и строят, строят! Раньше в таких дворцах цари жили, а теперь каждый ворюга. А почему такое происходит? – разглагольствовала она с энтузиазмом. – Потому что Америка захотела!

– Ну вы даете! – рассмеялся Игорь. – При чем здесь Америка? Просто поменялся государственный строй. Раньше был социализм, а теперь – капитализм. Это я вам упрощенно объясняю.

– Вот и нет! – заявила баба Дуся. – Какой же это капитализм, ежели заводы не работают? Вон про телевизору сказали, что заводы и фабрики где позакрывались, а где еле дышат. А какой капиталист допустит, чтобы его работники не работали? Он же разорится!

Ирина глянула на Игоря, но тот лишь усмехнулся, доедая котлету.

– Про капитализм, баба Дуся, мы поговорим после. А сейчас давай подумаем, как найти преступника. Что вы думаете о Валентине Яковлевиче Шитикове? Вы с ним целый вечер чай гоняли. Какое у вас о нем мнение?

– Валентин-то? Нет, он непричастен. Он мужик честный. И другу предан, это видно.

– Понятно. А что если Виктор Метелкин поделился с женой Валентина, а та в свою очередь еще кому-то рассказала? И так по цепочке дошло до преступника?

– Да что ты, Горяша? Да ить **это**, жена его **и** не будет говорить адрес, где эта убитая Гангрена проживала! Да, когда бабы сплетничают, разве они адреса и телефоны говорят? Они говорят о том, что интересно! Ну, могла баба сказать: «Метелкин бросил свою сожительницу, а та в отместку не все деньги вернула». Ну, посмеются бабы над незадачливым мужиком, может даже пожалеют его. И все. Какой это бабе взбредет в голову искать эту сожительницу с деньгами? Да и времени на это не было. Прикинь сам.

– Пожалуй, вы правы. И что нам теперь делать?

– Искать этого, у которого ключи, – убежденно заявила баба Дуся. – Тогда что-то узнаем.

– Игорь, – заговорила Ирина, – я могла бы тоже взять отпуск... мне хочется **помогать** вам. Если баба Дуся способна помочь, так неужели я не смогу? – в глазах девушки было столько мольбы и обожания, что он просто не мог устоять и согласился на ее участие в деле.

– В таком случае, – распорядился он, – ты, Иришка, бери машину и поезжай на Десятую линию. Замаскируешься за деревьями и будешь наблюдать за домом цыгана. Шмагина ты сразу должна узнать. Он высокий, худой, белобрысый и слегка прихрамывает. Он ломал ногу, когда участвовал в мотогонках. Главное, установить там ли он. А уже потом до него доберемся и выбьем из него показания.

– Я тоже с Иришкой, – заявила баба Дуся.

– Нет, вы будете сидеть на телефоне. Вдруг Олег позвонит, а нас никого не будет.

Баба Дуся обиделась, но ничего не сказала и стала старательно мыть посуду. Она быстро управилась на кухне, взяла ведро с водой и тряпку:

– Пойду чуток машину вам помою. А то грязница какая, цвета не видать. А потом в магазин. Так что не ждите меня, занимайтесь чем хотите.

И ушла, демонстративно хлопнув дверью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Жигули» сияли чистотой. Баба Дуся постаралась. "Вот неугомонная старушка", – подумала Ирина, подходя легкой походкой к автомобилю. Она села за руль, машинально включила зажигание и только позже, когда уже тронула ногой педаль газа, сообразила, что ключ зажигания Игорь почему-то не взял, как обычно, с собой. Ну ясно, замотался.

Ирина потратила двадцать две минуты, чтобы добраться до Десятой линии. Покружив по проселочным лесным дорогам, она выбрала удобное место для наблюдения за особняком цыгана и заглушила двигатель.

Из-за кустов плохо просматривалась передняя часть двора, мешал глухой забор. Но высокое крыльцо было как на ладони, так что если кто-то выходил из особняка, Ирина непременно бы заметила. Просидев с полчаса и не заметив никакого движения во дворе, начинающая сыщица слегка утомилась, сказывалось напряжение, все тело заныло, правую ногу стала сводить судорога. Ирина открыла бардачок, достала бинокль, сигареты и зажигалку. Она решила осмотреть особняк с южной стороны. Осторожно отводя ветки терновника в сторону, она двинулась вдоль высокого кирпичного забора по едва заметной тропинке.

С южной стороны, как она и предполагала, в заборе оказалась железная калитка, наглухо закрытая. Значит, пока она сидела в машине, кто угодно мог войти через эту калитку. Возможно, и в доме есть другой вход, не замеченный с места наблюдения. Ладно, **Ирина решила посмотреть**, что нового можно увидеть с восточной стороны. Осмелев, **она** пошла быстрее и, свернув за угол забора, наткнулась на мужчину. Он ей показался огромным и страшным: черные пушистые усы опускались ниже подбородка, они слегка пошевеливались, как две черные змейки. Огромные круглые глаза были наполнены гневом. Он сделал крупный шаг навстречу ошеломленной женщине, протянул крепкую руку и вцепился в бинокль. Ирина рванула бинокль к себе, но тщетно – хватка была мертвой.

– Пустите! – крикнула Ирина и неожиданно для себя ударила мужчину кулаком прямо в нос.

Он охнул, отцепил руку от бинокля и прижал толстую ладонь к лицу.

– Сволочь, – прошипел он, размазывая кровь по лицу, – ты же знаешь, на кого руку подняла, проклятая женщина!

Ирина стояла, загипнотизированная происходящим. В голове стучали слова: бежать, бежать! Но она не могла сдвинуться с места, ноги не слушались.

– Сука! Следишь за мной, да? – спросил мужчина уже более **ровным** голосом, но ярость еще клочкотала в нем.

– Нет... – едва вымолвила Ирина, не шевелясь.

– А зачем тогда это? – он указала пальцем на бинокль.

Ирина не знала, что сказать и молчала.

– Знаю, следишь, – утвердительно сказал мужчина, помолчал, пощупал распухающий нос и усмехнулся, – за Романом следишь по приказу Гришки, да! Я понял. Меня не проведешь. Ну-ка, давай, иди вперед и не вздумай бежать. Поймаю – убью! Гришка меня знает! Зря он послал такую красивую бабу за мной следить. На беду он тебя толкнул, красавица. Иди, иди, – он слегка толкнул ее и она, пятясь назад, стала медленно отступать от цыгана.

Он бесцеремонно ухватил ее за плечо, резко развернул на сто восемьдесят градусов и подтолкнул, чтобы она шла быстрее.

– Послушайте, – заговорила наконец Ирина, – я за вами не следила и не знаю никакого Гришки!

– Разберемся, – буркнул цыган. – Ты мне еще заплатишь за то, что подняла на меня руку. Я никому не прощаю такого обращения. Мужчин я просто за это убиваю, а баба – она баба и есть. Она дура и заслуживает плетки.

Он, подталкивая испуганную женщину, довел до калитки, нажал на кнопку в стене, калитка распахнулась, и он с силой впихнул Ирину во двор, провел к гаражу с распахнутыми воротами.

– Заходи, – миролюбивым голосом пригласил он и, не дожидаясь, когда она шагнет внутрь, толкнул в спину.

Ирина влетела в темноту гаража, не удержалась на ногах и упала, сильно поранив плечо обо что-то острое. Вдруг стало светло – это цыган включил свет. Он пристально посмотрел в помертвевшее от ужаса лицо Ирины, снял с гвоздя длинный кожаный ремень и накрепко связал ее.

– Отдохни, красавица, пока. Приди в себя. Потом я с тобой разберусь, – и вышел из гаража.

Ирину стала бить крупная дрожь, она молча плакала, боясь навлечь на себя еще больший гнев цыгана.

Цыган вернулся, не глядя на свою пленницу, выключил свет и снова вышел. Ворота гаража остались приоткрытыми.

«Что же теперь делать? – лихорадочно размышляла пленница, пытаясь движением рук ослабить ремни, – если бы у меня был сотовый, я бы как-нибудь попыталась дозвониться до Игоря».

Она представила, как Игорь вместе с бабой Дусей ждут ее к ужину, сначала спокойно, потом Игорь начинает нервничать, встает из-за стола, вышагивает по коридору, молча посасывая погасшую трубку.

Слезы крупными горошинами покатались по щекам Ирины. Ей стало так жалко себя, что аж защемило сердце. Какая нелепость! Так глупо очутиться в лапах цыгана могла только она, Ирина. С Игорем такого бы никогда не случилось, потому что он сначала все продумает, взвесит, а потом уже делает, а она, дура самонадеянная, возомнившая себя опытным сыщиком, сунулась не в свое дело – и вот результат! Все дело провалила. Теперь Игорю не до поисков убийцы. Он бросит все свои силы на поиски своей незадачливой сыщицы. И баба Дуся будет волноваться за время ее отсутствия. Да и найдут ли ее – еще неизвестно.

Сколько еще часов бичевала бы себя Ирина за непростительную глупость, она не знала. Мозг ее устал, голова раскалывалась от боли в висках, она закрыла глаза и попыталась ни о чем не думать. Но не так-то просто было выключить сознание в подобной ситуации. А ситуация создалась прямо-таки тупиковой: темный гараж, пробивающаяся полоскам света сквозь незапертые ворота и она, связанная по рукам и ногам, бревном лежащая на цементном полу. Тонкий элегантный плащ оказался здесь вещью совершенно неуместной – Ирина стала медленно замерзать.

Внезапно ее мысли прервал какой-то странный шорох за воротами, она прислушалась, но все было тихо. Показалось, наверное.

Вдруг она поняла, что ждет прихода цыгана. Пусть уж поскорее он решит ее судьбу, ожидание чего-то страшного приводило ее в ужас. И снова какой-то шорох. Что это? Галлюцинация? Нет, за воротами явно кто-то был. Но кто? Не хозяин, это точно. Зачем ему подкрадываться к дверям? Чтобы понаблюдать за соей жертвой? Не сбежала ли? Но как тут сбежишь?

– Иришка, – донесся приглушенный очень знакомый голос, – внученька, ты тут?

– Баба Дуся?! – изумленно вскрикнула Ирина.

– Ну, слава те Господи, – **зашептала** старушка, проскальзывая в приоткрытую дверь. – Где ты? Не вижу.

– Я здесь! Я связанная.

– Не вижу, деточка.

– На стене выключатель есть. Рукой поищите... повыше, – Ирина вся трепетала от изумления и радости, что ее нашел родной человек, что теперь она не одна.

Баба Дуся нашарила рукой выключатель, едва дотянувшись до него, включила свет.

– Вот где ты, внученька. А я ждала, ждала тебя, решила искать. Я **сейчас**, найду что-нибудь острое, нож какой-нибудь... потерпи, – старушка неторопливо, словно на своей кухне, стала рассматривать разбросанные на верстаке железки. – Вот это подойдет, – она взяла в руки трехгранный напильник, – потерпи, детка, я **сейчас** перепилю ремень, потерпи.

Баба Дуся наклонилась, потом присела на корточки, с усилием просунула напильник под ремень и с силой стала перетирать кожу. Освободив Ирину от пут, помогла ей подняться на ноги, осмотрела ее внимательно и удовлетворенно заявила:

– А ты ничего! Испугалась маленько, так это пустяки, успокоишься. Давай выбираться, покуда кто не нагрязнул, – она осторожно высунула голову в щель, огляделась и прошептала. – Пошли с богом, пока все тихо.

Ирина машинально выключила свет и вышла следом за бабой Дусей.

– Мы в калитку не пойдем, – старушка свернула за гараж и нырнула в малинник.

Оголенные малиновые ветки цеплялись за одежду, но это старушку не беспокоило, она торпедой пролетела через кустарник, увлекая за собой растерянную Ирину, перепрыгнула через неглубокую канавку, и устремилась к беседке, увитой диким виноградом, давно сбросившим листву.

– Куда вы? – ужаснулась Ирина, не отставая от бабушки.

– Беги, беги за мной, внучка, я знаю, что делаю, – они завернули за беседку и уткнулись в высокий, живой забор из шиповника, – здесь лазейка есть, я пролезала, давай, не отставай, – она юркнула в небольшую дырку меж колючих кустов и потянула за собой Ирину.

– Я не пролезу! – взмолилась Ирина.

– Да ты **что**, девонька! – стала уговаривать ее баба Дуся, раздвигая, насколько хватало сил, колючие стволы шиповника, – спастись надо. Усилие примени, ты же сильная, я знаю, ты сможешь.

Кое-как Ирина пролезла через лазейку, разбередив успокоившуюся было **рану на** плече. Не обращая внимания на боль, она изо всей силы бросилась бежать за прыткой старушкой. Они отбежали с полкилометра, повернули в сторону леса и только углубившись в гущу леса, остановились. Ирина рухнула под дерево, едва переводя дыхание.

– Все... не могу больше, – прошептала она, но баба Дуся, тяжело дыша, не давала покоя. – Вставай, надо к машине бежать.

– А вы откуда знаете, где я оставила машину? – изумилась Ирина и даже забыла про боль в плече.

– Дак я же с тобой была, – рассмеялась баба Дуся. – Побоялась я тебя одну отпускать, как сердце чуяло беду, вот я и пошла машину мыть. Вам-то соврала, что в магазин пойду, чтобы не искали меня, а сама залегла на пол, а ты и не заметила меня, да я и знала, что ты не будешь заглядывать на пол, что там искать, села да и поехала! Бока вот чутко болят, как ты едешь по кочкам, так **разве** что мертвецу не больно, – она лукаво поглядела на девушку, провела сухонькой ладошкой по ее растрепанной голове, – а биноклю-то жалко, вещь денег стоит.

– Жалко, – согласилась Ирина, – не из-за денег. Это папин подарок.

– Не горюй, ладно что жива осталась. Ну, отдохнула малость? Вставай, у нас еще много делов.

Ирина поднялась на ноги и почувствовала такую боль во всем теле, что не выдержала и, охнув, снова опустилась на землю.

– Иришка, – строго сказала баба Дуся, – ты чего расселась? А ну вставай! Иль тебе кажется, что я сильнее тебя? Да мне может уже сто лет, а я тебя, соплячку, стою и уговариваю спастись! Ну все! Я ухожу, – она посеменила мелкими шажками к тропинке, не оглядываясь.

Уже сидя за рулем, Ирина не могла налюбоваться на свою спасительницу, сидящую рядом. Откуда у этой щупленькой маленькой старушонки столько силы? То, что она умнящая и хитрющая, это объяснимо и понятно. А вот силы **откуда** берутся в этом **сухоньком**, почти детском тельце?

– Что теперь делать будем? – спросила Ирина бабу Дусю.

Та недоуменно молча уставилась **на нее** ясными небесного цвета глазками.

– Работать, девонька, работать! Взялся за гуж, не говори, что не дюж. И мы с тобой, внученька, коль скоро запряглись в одну упряжку, тоже сдюжим, – она помолчала немного и снова заговорила: – Я вот что думаю. Теперь моя очередь туда сунуться.

– Ни в коем случае! – отрезала Ирина.

– Ну-ну, не шуми. Не одной же тебе геройствовать. Я тоже кое-что могу. У меня план есть. Вот послушай, не дергайся, послушай старуху.

Ирина ничего не хотела слушать, понимая, что баба Дуся затевает опасную авантюру.

– Да не страдай ты. Ну кто подумает, что я что-то разведываю? Я с виду совсем безобидная. Ты выслушай мою затею, а потом сама согласишься.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ирина внимательно всматривалась в объект своего наблюдения, куда отправилась баба Дуся, и ругала себя последними словами за то, что согласилась на осуществление ее авантюрного плана. Зачем, зачем? И пойти туда она уже не могла, ее цыган снова поймает и тогда уже точно никто не сможет прийти ей на помощь.

Но ждать пришлось не очень долго, баба Дуся появилась совсем с другой стороны и не одна. Рядом с ней шел светловолосый парень, слегка прихрамывая на правую ногу.

– Садись, милоч, – ласково пригласила баба Дуся парня в машину. – Нелегко мне тебя было добыть. И собак пришлось обмануть.

Он, хмурясь, уселся на заднее сиденье, баба Дуся – на переднее.

– Ох и злющие собаки там, Иришка! Я думала, они меня порвут!

– Как же вы сумели парня достать? – Ирина с любопытством посмотрела на Володю.

– А там баба какая-то вышла на собачий лай. Я ее и попросила позвать паренька. Сказала, что его невеста ждет в лесочке. Ну, та и привела мне соколика. А в калитку я не попала, там заперто. Хотела снова через лаз пробраться, да вовремя бабу увидела, – она стала старательно снимать колючки, приставшие к рукаву темного старенького пальто. – Ишь, рукав малость разорвала. Заводи мотор, поехали!

Ирина рванула машину с места так, что старушку подкинуло вверх.

– Эй, полегче, мадам, – подал голос парень, – так и разбиться можно.

– Она по-другому не умеет, – съязвила старушка, – натура у девки такая...

– А где же Светка? Вы сказали, что она меня ждет с какой-то важной вестью.

– А вот к ней мы как раз и едем, – заявила баба Дуся.

– А откуда она узнала, что я у Ромки прячусь? – загорячился парень.

– Узнала. Ты лучше скажи, Володенька, куда ключик подевал, который у Олежки взял.

– Ах, вот оно что! – закричал Шмагин. – Значит вы из ментовки! Схватили, значит, убийцу!

– Не кричи, – осадила его старушка. – Я знаю, ты не убивал. И напраслину не городи. А прячешься ты зря.

– Ага, зря! Мне уже условно припаяли два года ни за что. Теперь только и ждут момента, чтоб в тюрьму засунуть. Ну, ни хрена не выйдет! Ни на того напали! – парень рванул дверцу машины, но баба Дуся кошкой бросилась через спинку сиденья и вцепилась в него клещом.

– Не дури, Володя, никто тебя в тюрьму не собирается тащить! Закрой дверцу, закрой!

Парень обмяк и послушно захлопнул дверцу.

– Ты только скажи, куда дел ключ, – допытывалась баба Дуся. – Ты ходил на ту квартиру, али нет?

– **Пусти меня, бабка.** Да не ходил я туда!

– А девчонка твоя, Светка?

– Да она и не знает, где эта квартира.

– А ключ у тебя? – не отставала баба Дуся, Ирину даже смех брал от ее настырности.

– Нет его у меня, в том-то и дело! Потому я и спрятался. Потерял где-то.

– А где ты его мог потерять?

– Откуда я знаю. Я прицепил его к своей связке ключей, когда мы встретились со Светкой, я хотел ее пригласить вместе.... ну... в общем, понравилась мне девчонка. Домой привести не могу, она тоже без жилья, на квартире у какой-то старухи-алкоголички пристроилась. А по улицам бродить холодно. Повести девчонку в **ресторан** – так я сейчас на мели. Вот и хотел в тепле и уюте поболтать с ней. Я даже не успел сказать ей о своих планах. Сунул в карман руку

– а ключей нет. А потом как услышал про убийство, еще порадовался, что ключи потерял и не попали мы с ней туда. А **покумекал** и понял, что я самый первый подозреваемый.

– Дак фактов против тебя нету, чего ж ты трясешься? – баба Дуся отцепила руки от куртки парня. – Тебя бы спросили, ты бы ответил – делов-то куча.

– Ага, менты спрашивают! Они сначала по почкам накидают, а потом спрашивают и дело шьют, знаю, ученый. И факты подгонят – будь здоров. Так значит я Светку не увижу?

– А кто тебе мешает? Иди к ней и смотри на нее **сколько** хочешь, – великодушно разрешила баба Дуся, – только, мил человек, ну вспомни, пошевели мозгами, где могли пропасть ключи? Может, дома?

– Нет, это исключено. Ключ Олег мне дал утром, весь день связка была в кармане, я точно помню. Еще когда заходил в «Тройку».

– В забегаловку-то? – уточнила баба Дуся.

– В ресторан! Приличное место. Там два зала. В одном – собирается публика солидная – бизнесмены, предприниматели всякие, а в другом – вся наша братва с округи тусуется.

– А чего ты туда поперся, коли сам же сказал, что на мели? – укорила его баба Дуся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.